

МОЯ ЖИЗНЬ — БАЛЕТ

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Марис Лиена — один из ведущих солистов Большого театра. Широкую известность принесло ему исполнение ведущих партий классического репертуара, а его Красс в «Спартаке» А. Хачатуряна — Ю. Григоровича стал настоящим событием. Но балет — не единственная муза этого известного мастера.

— После того как я сыграл в телевизионном фильме «В одном микрорайоне», мне было забавно, что многие люди на улице узнавали меня не как солиста балета, проработавшего в Большом театре 22 года, а как героя телеэкрана, — смеется Марис Лиена. — «Помнишь? Вот этот играл Берзиньша в фильме «В одном микрорайоне». Он еще, кажется, в балете танцует...» — услышал я как-то рядом разговор. И тут уж ничего не поделаешь. Как бы ни был огромен театральный зал, он не может вместить столько зрителей, сколько их бывает у телеэкрана.

— Накануне нового года телезрители увидели вас еще в одном телевизионном фильме — «Орех Кракатук».

— Этот спектакль привлек меня прежде всего тем, что в нем играешь как бы три роли сразу, и роли, близкие к тем, с которыми уже встречался в балете «Щелкунчик». Но особый интерес вызвала работа над передачей «Бенефис», где я играю вместе с такими прекрасными актерами, как Гурченко, Джигарханян, Ширвиндт. В этой передаче я выступаю не только в привычной роли танцовщика, но и как драматический актер и даже... певец.

— А можно ли ожидать, что телевидение познакомит любителей балета с какой-либо вашей «чистой» балетной работой?

— Недавно в Ленинграде режиссер А. Белинский закончил для телевидения фильм-балет «Пигмалион и Галатея». Хореография — Дмитрия Брянцева. Мне кажется, что хореографическое решение этого спектакля весьма интересно. Вот, например, сцена обучения манерам и правильному английскому языку. Своеобразный урок переносится в балетный класс, где я, исполняющий роль Хиггинса, учу Екатерину Максимову (она — Элиза Дулиттл). Мне необыкновенно интересно было работать с этой замечательной балериной, видеть, какие яркие, удивительно точные краски находит она для своей героини. Она преображается вся — мимика, жесты становятся угловатыми, развязными, даже ее самые правильные балетные ноги вдруг становятся непривлекательными.

И вся сцена урока — это обучение ее классическим балетным движениям, ее

постепенное овладение чистотой, красотой движения, жестов, манер.

— Марис Эдуардович, вот вы считаете, что танцовщик должен быть всесторонне образованным...

— Да, прежде всего образованным. Ведь не случайно сейчас в ГИТИСе на отделении педагогов-балетмейстеров занимаются и Нина Тимофеева, и Светлана Адыхаева, и Екатерина Максимова, и Марина Кондратьева, а мы с Владимиром Васильевым занимаемся на балетмейстерском отделении. Бывало и так, что утром сдаешь экзамен в ГИТИСе, а вечером танцуешь в «Спартаке».

— В каком из балетов на сцене Большого театра вам понадобилось все — и умение петь, и талант драматического актера, и, естественно, танцовщика?

— Тут прежде всего надо назвать балет И. Стравинского «Солдат и Черт», который, к сожалению, не идет в Большом театре. В нем есть и танец, и пантомимы, и слово, и пение. В этом очень своеобразном спектакле мне пришлось сыграть несколько разных ролей, каждая из которых решалась разными исполнительскими средствами. И вот тут я почувствовал уверенность в себе как в драматическом актере. После этого снялся и в фильмах «Четвертый», «Могила льва», а позже и «В одном микрорайоне».

— И все же самое важное для танцовщика — это его техническое оснащение, совершенное владение языком балета. Это ясно всем. А вот что же такое язык балета? Иногда непосвященным людям кажется, что каждое движение танцовщика несет какую-то смысловую нагрузку.

— В Индии, например, два танцовщика, постигших в полной мере танцевальное искусство, могут разговаривать исключительно при помощи танцевальных движений. Определенное положение рук, ног, головы, тела танцовщика становится своеобразным средством общения. Что-то подобное было и на раннем этапе развития европейского, как его принято сейчас называть, балета. Например, для того чтобы сказать: «Я тебя люблю», надо было приложить правую руку к сердцу. Конечно, сегодняшний балет сильно отличается от этого всего. Чувства, мысль выражаются сейчас целой гаммой различных жестов, движений, мимики актера. И даже реставрируя старые балеты, постановщики (как, например, Лавровский в «Жизели») уходят от этих штампов.

— В чем, на ваш взгляд, особенность вашей профессии?

— Как-то мне пришлось быть в одной компании, где были космонавты, известные летчик-испытатель. Разговор шел, что называется, профессиональный, рассказывали о разных случаях, которыми так богаты эти профессии. Когда пришла моя очередь, я с волнением подумал о том, что же можно поставить рядом, что могу рассказать я, артист балета. Что же такое наша работа? Это каждый день — полная отдача, это каждый день — отказ от чего-то, это борьба с самим собой, подчинение твоей воле собственного тела, мимики, стремление как можно ярче выразить все то, что собираешь и от того же кино, и от тех же картин, от той же музыки, в общем, от той насыщенности впечатлениями, которые ты получаешь.

— В каких новых партиях встретят вас любители балета в ближайшем будущем?

— Сейчас я готовлюсь выступить в спектакле, который ставит Владимир Васильев. Это будет два одноактных балета. Один на музыку Рамо, другой на музыку Моцарта. Чем для меня интересна эта работа? Любимый балетмейстер пишет текст балета заново. Есть музыка, а балетное ее решение у каждого балетмейстера новое. И вот встреча с этим новым — самое ценное в творческом процессе.

— Что бы вы хотели пожелать самому себе?

— Прошедший год был для меня насыщенным: премьера в Финляндии, премьера «Чиполлино», премьеры телевизионных фильмов, в минувшем году я танцевал в Большом театре все свои партии, сейчас поездка во Францию вместе с латышским балетом. Знаете, это — как сон, который хотелось бы, чтобы продолжался всегда...

Г. ДОБЫШ.

Фото Г. Хомзора.